

4. *Васильев Ф. А., авт. инсц. — Любимов Ю. П., Малочин Б. А.*
 5. *А зори здесь тихие...*
 6. *Оренбурге — общ. драм. театр им. М. Горького*
 7. *реж. — Выхин В.*
худ. — Шелевев С.

ДОМОСКОПСКАЯ ПИЩА
 г. Оренбург

3 ФЕВ 1942

СО ВРЕМЕНИ премьеры второго спектакля текущего сезона «А зори здесь тихие» проšlo уже несколько полтора. На театральном афише появляется он довольно редко. И, как это ни обидно и горько, на одном из последних спектаклей театральный зал более, чем наполовину пустовал, да и на премьеру он не был, как говорится, набит до отказа.

Не хотелось бы об этом говорить, да нельзя не сказать. И говорим мы об этом безо всякого удовольствия. Но, напротив, даже с большим огорчением, и не только и даже не столько за театр и занятых в спектакле актеров, сколько за зрителей, потому что теряют и много теряют обе стороны.

Прежде чем стать спектаклем в нашем театре, «А зори здесь тихие» претерпели многое. Из повести Е. Васильева — Ю. Любимов и В. Глаголина сделали пьесу или, как сказано в программе, «сценическую композицию», из этой постановки режиссер В. Выхин и руководитель постановки Н. Тхакумашев вместе с большой группой актеров сделали спектакль. Их труд, их творческая энергия, их вдохновение за служивую похвалу и благодарности. Похвала и благодарность — это полный зрительный зал, его внимание, увлеченность. И вовсе не обязательное одобрение и только исключительно одобрение, но и несомненное в чем-то с театром, спор с ним и, может быть, даже порицание. Но внимание и увлеченность равно необходимы и в том, и другом случае.

БОЛЕЕ чем очевидно, что со спектаклем, о котором сейчас у нас идет речь, этого не произошло. Он не снискал внимания зрителей, он их не увлек.

Значит ли это, что спектакль совсем и до совсем неудавшийся и, попросту говоря, плохой?

Нет и нет! Решительно нет!

В спектакле много хорошего. Отличные декорации, с большим вкусом исполненные художником

С. Шелевевым. Они создают нужную среду действия. Умело используя освещение, художник, сохраняя постоянно отличающийся их романтический характер, придает им трагический, а иногда и влюбленный облик. Романтико-героический пафос спектакля (а нам кажется, что он так был задуман его авторами) хорошо поддерживается очень естественно влияющими в него высоко торжественными мелодиями Ба-

ха. В спектакле много интересных и выразительных мизансцен, созданных и передающих последовательно ощущение опасности, тревоги, угрозы и все нарастающей и приближающейся трагической развязки.

Много доброго можно было бы сказать, а в адрес исполнителей отдельных ролей, в частности С. Михайловой (Соля Гуревич), Г. Дуларевой (Лиза Брычкина), Е. Могельницкой (Рита Осанина) и некоторых других тоже.

И несмотря на эти, на наш взгляд, несомненные достоинства спектакля, которые не оспарит самая требовательная критика, «А зори здесь тихие...» оставляет впечатление произведений внутренне глубоко противоречивого, что лишает его возможности оставить в зрителях впечатление совершенной завершенности, цельности, лишенной глубины и правды. Нас же на всем протяжении спектакля не оставляло чувство условности всего того, что происходило на сцене, чувство игры то более, то менее удачной. Но все же, «представленность», заданности. Мы жалели о том, что в нас не возникало ощущение, что со сцены в зрительный зал течет сама жизнь во всей присущей ей непосредственности, нестрашной убедительности, волнующей достоверности. И не по этой ли причине мы с досадой ловили себя на том, что холодок не рассеивается, что сердце не теплеет и не шепчет от боли — умом-то мы хорошо понимали, что уходит в безвозвратное для за другой жизни плети прекрасных молодых женщин, уходит ради нашей общей победы над вра-

гом — германским фашизмом, уходит ради нас всех, ради нашей будущей, т. е. сегодняшней жизни.

«А зори здесь тихие...» пьеса о войне, об Отечественной великой войне, трагической гибели пилотных ее участниц, равноправных со всеми миллионниками ее участников, и с теми, кто остался жив, и с теми, кто не нарушил с полем боя и заслуживающих наше самое глубокое уважение, самое

высокое признание, самое искреннее любование. И безучастности, равнодушию, холодку здесь не может быть места, не может быть и оправдания.

И тем не менее, спектакль не трогает или недостаточно трогает и волнует.

Отчего же это, почему? ВОТ НА ДАЛЕКОМ севере, где-то в районе Воль-свера под началом кадрового старшины поступает взвод девушек и молодых женщин. У каждой из них свое прошлое, своя, хотя и не обильная судьба. Биография. Не обильная, но своя, неповторимая. Теперьшая обща солдатская судьба не уравнивала их, не делала подобными друг другу. И в пьесе и, конечно, в спектакле все они говорят равное о себе и о прошлом. Но действия их на сцене, как и в жизни, придали черты общие в неизмеримо большей степени, чем черты различия. Вследствие, удали, юношеской беспечности (почти пикирового свойства) не скрыть их различия их характеров, их разности судеб, уже тронутых неизбывным трагизмом, но об этом мы скорее догадываемся. Театр почему-то не отбросил этого с необходимой силой. Чем обидли характеры, придала значительность действия. И, к счастью, только Е. Могельницкая и С. Хакуз несколько спасают положение. Им удается и настроением, и поведением передать личные особенности представленных персонажей — Риты Осаниной и Жени Комельковой.

Завод молодых, здоровых и красивых девушек и над ними их начальник — старшина, совсем

еще нестарый мужик. Но. Ситуация острая и достаточно пикантная, но вовсе не сродная и пикантности. Острота состоит в том, что старшина Васков (арт. Д. Грушецкий) никак не желал получить под свое командование такой именно контингент. Кроме того, он служил, несомненно изливший приключений, может быть, немного грубоватый и жестковатый — такова служба, но в душе добрый и милый

ТЕАТР

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ К ВНЕШНЕМУ...

человек. Он поставлен в положение, когда обстои, телестами вынужден не только командовать, а еще и опекать... Но при этом невольно внимание пикантности ситуации, за счет остроты ее, лишил артиста Грушецкого возможности показать образ старшины. Насилие во всей его человеческой глубине и сложности.

Во второй части спектакля театр значительно ближе к решению своего творческого замысла. Бытовое внимание отступает. Романтика и трагическое занимают подающее им место.

Плтеро девушек вместе со своим старшиной Васковым вступают в единоборство с превращающимися численностью отрядом фашистов — диверсантами. Девушки-бойцы гибнут одна за другой. В живых остается одна — Васкова. Гибнут, но в них и безстрашие, и мужество, и отвага, и самоотверженность. Они — солдаты в полном значении этого слова. Но моменты «иры», представленные, остаются одна и та же, немую — все это едва не заглушившее целиком первое действие и не давшее артистам раскрыть, характеры почти всех персонажей, сказались частично и здесь и теперь. В чем? В выходящем из внутреннего содержания образа, его характера внешним, картинным жестом, положением, иной раз мимо эффектным.

Не претендую на безошибочность и бесспорность, мы были открытыми, высказывая свои мнения, стремясь понять сильные и слабые стороны спектакля, заслуживающего самого пристального внимания зрителей.

С. ЛУВЭ